

Я тебя (не)отпущу

Автор:

Галина Милоградская

Я тебя (не)отпущу

Галина Милоградская

Её командир, её учитель – Изаму всегда был рядом, но никогда так близко. Десять дней, проведённых в плену, перечеркнули годы сражений бок о бок. Его касания в темноте, её ответная ласка – для Асами всё изменилось в один миг. Но Изаму слишком благороден, чтобы заставлять юную воительницу связывать с ним жизнь. И лишь новость о её беременности вынуждает поступить единственно верно. Обречённый брак, или долгожданное счастье: Асами и Изаму придётся узнать друг друга заново. Чувства, зародившиеся в темноте, найдут путь к свету и счастью...

Галина Милоградская

Я тебя (не)отпущу

Первая глава

Воздух дрожит, каменный потолок покрывается трещинами. Прижать к себе, не отпускать, заслонить. Грохот над головой оглушает. Острая боль, хриплый выдох и огромные зелёные глаза напротив. А потом – пустота.

Изаму судорожно вздохнул и открыл глаза. Тихо, светло, пахнет лекарствами. Выжили. Он осторожно пошевелил пальцами, сначала на руках, потом на ногах.

Вроде бы всё цело, только тупая, тянущая боль гуляет по телу. Изаму попытался приподняться на локтях, но не смог – слишком мало сил. Сколько провёл без сознания? А главное – что с Асами? Сердце сжалось, но тут же застучало в ускоренном ритме. Когда увидел её.

Асами остановилась в дверях, не решаясь войти. В глазах сразу всё: страх, боль, облегчение и радость. А ещё – неловкость. Огромная, она первой влетела в палату, заполнила её снизу доверху, выкачала воздух. Асами сделала шаг, снова замерла, пальцы нервно прошлись по краю безрукавки, затеребили пуговицу. Изаму проследил за ними взглядом, горько скривил губы – под маской невидно. Посмотрел на неё, надеясь, что в глазах отразится только улыбка. Остальное пусть живёт с ним, в глубине души, там, куда никому нет доступа. Кивнул еле заметно – в прошлом. Забудем. Несмело улыбнувшись, Асами выдохнула, открыла рот, чтобы заговорить. Сказать то важное, что горело внутри, жгло все три дня, что он не приходил в себя. Сказать, что не могла представить, что с ней будет, если не очнётся. Сказать, что не жила в эти дни – существовала, и только сейчас пустота в ней исчезла, наполнилась им.

– Капитан Изаму! – Кацу обогнул Асами, подлетел к кровати, освещая всё вокруг лучезарной улыбкой. – Наконец-то! Ну и напугали вы нас!

– Напугал? – голос звучал хрипло, приглушённо. Изаму с трудом отвёл взгляд от Асами, посмотрел на довольного Кацу.

– Мы вас когда откопали, думали всё. Асами-то меньше досталось, скала на вас грохнулась. – Кацу вдруг замолчал и виновато опустил глаза. – Простите, что так долго шли.

– Главное, что пришли, – на этот раз Изаму улыбнулся искренне. Бросил на Асами один взгляд, короткий. Скажи хоть что-то, не молчи! Она будто услышала, проговорила, комком в горле подавившись:

– Спасибо вам... капитан Изаму. За всё спасибо.

Он усмехнулся, мягко ответил:

– Всё в порядке, Асами. Теперь всё позади.

Позади десять дней плена. пытки, боль, страх за её жизнь. Щемящая нежность и обжигающая близость.

Он отпускал её. Она смотрела и не верила, до последнего надеялась, что всё будет иначе. Не стало. Пустота внутри моментально разрослась, заполнила собой каждую клеточку. Вот он, живой, почти здоровый, рядом, но так далеко, как не был никогда. И по-прежнему уже не будет. Прикусив щёку, чтобы прямо здесь не расплакаться, Асами кивнула. Губы дрогнули, так и не сложившись в улыбку. Коротко попрощавшись, она вылетела из палаты. Прочь, по коридору, не обращая внимания на удивлённые взгляды, не замечая, что бежит, бежит и плачет, задыхаясь от пустоты.

Только оказавшись в лесу, она остановилась. Горько, громко всхлипнула, рухнула на колени и разрыдалась, обхватив себя руками. Дура! Какая же она дура! Когда увидела его, надо было сразу подбежать, обнять, целовать безостановочно, не думая. Не давая опомниться. Не давая от неё отказаться.

– Ты будешь жалеть. – В его голосе нежность мешается с горечью.

– Не буду. – Она пытается вложить в свой как можно больше уверенности. Хотя ей страшно. Так страшно, что сводит живот. Хорошо, что в темноте не видно, как полыхают щёки и шея. – Мы можем не выйти отсюда. Никогда. Не решайте за меня, прошу. Или... – голос всё же начинает дрожать, дрожь передаётся по нервным окончаниям, охватывает с головы до ног. Она договаривает шепотом: – Вы не хотите меня?..

Изаму шумно выдыхает, отвечает горько:

– Глупая девочка.

Асами вздрагивает, когда он касается её щеки. Мягко, одними подушечками пальцев. Они шершавые, солоноватые на вкус – она хватается их губами. Он тут же одёргивает руку, но Асами не успевает возразить – на смену пальцам приходят губы. Нежные, сладкие, изучающие. Он целует её так неспешно, будто у них за спиной вечность. Ещё, и ещё, и ещё, и Асами захлёбывается воздухом, хватается его, вслепую тянется навстречу. Его щёки колючие, ещё одно напоминание – прошло несколько дней. Поцелуй становится глубже, их языки находят друг друга, касаются сначала робко, чтобы тут же сплестись. И воздух

заканчивается окончательно.

Его руки по её телу – кажется, везде и сразу. Под спиной сваленная в кучу одежда, дыхание шумное, слишком тяжёлое, слишком прерывистое. Асами гладит его обнажённые плечи, спускается ниже, к груди, цепляет острый сосок. Он не двигается, застывает, позволяя изучать, только выдыхает сквозь зубы, когда её ладонка путается в жёстких волосах на лобке.

– Поцелуйте меня, – шепчет чуть слышно, и он тут же откликается. Целует жадно, лишая воздуха, выпивает досуха, а она – как бездонный колодец, пей – не напьёшься. Голова кружится, кожа пылает и плавится под его руками. Его пальцы у неё между ног, чувства в темноте обострены до предела, кажется – тронь, и будет взрыв. Но взрыва не происходит, когда его пальцы находят клитор, поглаживают, слегка надавливают, спускаются ниже. Асами давится воздухом, непроизвольно сжимает ладонь на его плече. Изаму обнимает её, просовывая руку под спину, и она выгибается навстречу, подставляя грудь под град коротких, обжигающих поцелуев.

Между ног пожар – разгорелся медленно, но сейчас полыхает, заставляя подаваться навстречу его пальцам. Его дыхание отдаётся вибрацией у неё в груди, прямо в её ладонь бьётся его сердце. Она кусает губы, сдерживая стоны, шарит по широкой спине, надавливает на поясницу. Беззвучно молит продолжать. Чувствует, как его член осторожно упирается в неё. Как медленно скользит дальше, наполняя до предела, растягивая до отказа. Он запечатывает поцелуем короткий вскрик, начинает двигаться, плавно раскачиваясь. Дрожит – она чувствует эту дрожь. И дышит, как же сладко он дышит! За одно это дыхание, за возможность чувствовать на себе тяжесть его тела она готова вытерпеть тянущую боль снова и снова. Сама подаётся вперёд, двигает бёдрами навстречу, вызывая тихие, на грани слышимости, стоны. Асами жмурится ярко, до красноты под веками, пытается представить, как он сейчас выглядит. По позвоночнику будто током – расплзается жар. Она трётся грудью о его грудь, коротко всхлипывает, когда он ускоряется. Толчки резкие, почти грубые, его рука впивается в её спину, вторая – у лица, она чувствует жар его кожи. Изаму впивается поцелуем в её шею, глушит собственный стон, но Асами чувствует его. Обвивает ногами, не давая пошевелиться. Целует лоб, веки, скулы, пытается губами нарисовать его лицо. Впечатывая образ в сознание.

– Ты будешь жалеть. – Так он сказал тогда. Но ведь... Она не жалела! А он, видимо, да. И от осознания этого простого факта слёзы безостановочно текли по

лицу. Асами сжалась в комочек, уткнулась в колени, судорожно всхлипывая. Пройдёт. Всё пройдёт. Надо только подождать. Она столько вытерпела, столько пережила, и это тоже переживёт.

Они были командой шесть лет. Отчаянные ниндзя, которым поручались задачи повышенной сложности. Лучшая команда под началом сильнейшего воина: капитан Изаму, Кацу и Сора. С Кацу и Сорой они дружили со времён Академии ниндзя, все трое грезили о том, как будут помогать своей деревне. Перспективных парней сразу определили в отряд, а Асами осталась дома. Они ушли на миссию, она стала работать в госпитале. Время промчалось перед глазами вереницей чужой боли и чужой смерти. Каждое письмо от друзей она открывала со страхом – вдруг кто-то пострадал?.. Асами боялась за Кацу, но больше переживала за Сору. Неулыбчивый холодный красавец с жгучими чёрными глазами и такими же, чёрными, смоляными волосами, которых так хотелось коснуться хоть раз. Сора был её слабостью, она тянулась к нему навстречу, а он постоянно ускользал.

А потом друзья вернулись. Неуловимо изменившиеся, повзрослевшие. И снова ушли. И снова, и снова. Асами ждала. Несколько раз и сама ходила на задания: не убивала, помогала. Даже не поняла, как стала меняться. В отличие от Соры, ожесточавшегося с каждым новым делом, Асами становилась мягче, острее реагируя на чужую боль, стремясь помочь всем и каждому. Когда Кацу и Сора попали в её госпиталь, показалось, мир застыл. Глядя на кровь, пропитавшую форму, на жалкие попытки Кацу шутить, на Сору, упрямо сжимавшего зубы, Асами задыхалась. А потом пришёл он. Капитан Изаму.

Кацу и Сора, оказывается, уже год как служили в его отряде. Обычно о службе не рассказывали, да и сейчас не спешили ничего выкладывать. Асами капитан Изаму смущал. Высокий, широкоплечий и... абсолютно седой. Поначалу она даже удивилась: зачем в армии держат таких стариков? Потом увидела его глаза: молодые, грифельно-серые, окруженные сетью тонких морщин, и нахмурилась. Капитан Изаму скрывал лицо под чёрной тканью воротника водолазки. Позже Кацу объяснил: капитан потерял весь отряд несколько лет назад и до сих пор себя в этом винил. Тогда же и поседел. Лицо скрывал в память о них – солдатах удачи, элите ниндзя, чьи лица всегда скрыты.

Капитан приходил в госпиталь каждый день. Почти не разговаривал, просто садился рядом, доставал какую-то книгу в мягкой обложке и читал. Иногда Асами казалось, что он приходит сюда прятаться от обязанностей. Это

раздражало даже – здесь все выкладывались по полной, а капитан Изаму или читал, или спал. Кацу добродушно усмехался на её ворчание: он в Изаму точно души не чаял.

– Зря ты так, – сказал он с укоризной после очередного язвительного выпада в сторону капитана. – Он нам несколько раз жизнь спасал. Он отличный мужик.

Со временем Асами это поняла. Даже начала ждать коротких встреч: отряд капитана был неуловим, они появлялись в деревне, тяжело ступая, уставшие. И она бросалась к ним, выдыхала – живые, на ногах, а остальное можно исправить. Капитан Изаму и правда был удивительным. Он удивлял постоянно: своей искренней заботой о своих парнях, обострённым чувством ответственности, серьёзностью. И вместе с тем какой-то детской непосредственностью. Любил опаздывать, вечно отшучивался и просто с ума сводил своей маской.

– Мы пытались как-то посмотреть, что он под ней прячет, – сказал как-то Сора. Они сидели втроем в кафе, потягивали холодное пиво и наслаждались тёплыми лучами осеннего солнца. – Думаю, там шрамы.

– Да по-любому шрамы! – Кацу взъерошил пшеничные волосы. – Так-то он молодой ещё, лет на десять нас старше, не больше.

– А я думаю, он симпатичный, – протянула Асами и покосилась на Сору. Тому, как, впрочем, и всегда, было совершенно плевать на то, обращает она внимание на других мужчин или нет. А потом Сора объявил, что уходит из отряда. Его отправили на сверх секретное задание. На неопределённый срок. Асами показалось, что её ударили под дых со всей силы.

Она рыдала, сидя под деревом в стороне от тренировочного полигона, когда рядом кто-то сел. Тёплая ладонь легла на плечо, осторожно сжала и потянула на себя.

– Он вернётся. – Тихий голос капитана Изаму прошелестел над ухом. Надо было отпрянуть, но Асами только сильнее вжалась в него, зарыдала ещё громче. Неужели она настолько жалкая со своей любовью, что даже капитан заметил? Так началась их дружба, больше походившая на отношения учителя и ученицы. Капитан и правда начал учить её, когда Асами решила улучшить свои боевые навыки – несмотря на то, что она врач, она всё равно остаётся воином.

Возвращаясь с очередного задания, он всегда находил на неё время, а когда вновь пропал, она ждала, чувствуя незримую поддержку даже на расстоянии.

Асами не должно было быть на том задании. Её вообще не должно было быть в отряде, но она настояла, после успев сто раз пожалеть. Да и само задание было несложным: по легенде Асами и Кацу – женатая пара, которая с шумом празднует годовщину свадьбы. Пока капитан добывал данные, Кацу изучал местность, не расставаясь с любительским фотоаппаратом. Асами скучала, прогуливаясь по рынку – уже утром они вернутся в деревню. Она остановилась у прилавка с сувенирами, нагнулась над разложенными на ткани нехитрыми украшениями, когда в глазах резко потемнело. В себя пришла уже в непроглядной тьме, поначалу даже решила, что ослепла. Пока не скрипнула дверь и внутрь не втокнули капитана Изаму.

– Капитан? – робко позвала Асами. Наощупь потянулась к нему, облегченно вздохнула и услышала такой же вздох.

Десять дней они провели в плену, и за это время в их жизни изменилось всё. А теперь он предпочёл сделать вид, что всё осталось прежним. И от этого сердце заливалось кровью.

Вторая глава

– Ты изменился. – Каэдэ встала рядом, почти касаясь плечом его плеча. Изаму, вздрогнул, вынырнув из мыслей, скосил глаза. Каэдэ, крепкая блондинка, разменявшая пятый десяток, руководила деревней последние девять лет. Она давно разменяла поле на просторный кабинет, но оставалась одним из самых уважаемых бойцов. Легендой.

Он пролежал в больнице неделю, и за эти семь дней Асами ни разу не пришла навестить одна. Молчала, прятала покрасневшие глаза, говорила что-то о работе. И с каждой встречей пропасть между ними усиливалась, становилась глубже. Ещё немного – и не перепрыгнешь, свалишься. Ей было неловко рядом с ним, Изаму прекрасно это чувствовал. И понимал. Прошлое стоит оставить в прошлом, как бы больно от этого не было.

- Правда? – Он усмехнулся. – Не думаю.

- Вижу, – скривилась Каэдэ. – Совсем разучился думать.

Брови Изаму удивлённо приподнялись, он заинтересованно склонил голову набок, ожидая продолжения.

- Присмотрелся бы к Асами, как вас освободили она места себе не находит.

- Почему я должен присматриваться? – спокойно спросил он. – У неё достаточно друзей, есть кому выговориться.

- А ещё говоришь, не изменился. – Каэдэ хмыкнула и отвернулась, сделав вид, что очень заинтересовалась надписью на обелиске. Его установили пятнадцать лет назад в память обо всех, кто не вернулся с заданий. – Кстати, как там твои книжки? За всё это время ни разу не видела, чтобы ты читал.

- Я их наизусть уже знаю, надоело.

- Даже так? – Изаму мысленно застонал – теперь не отстанет. Но Каэдэ вдруг положила руку на его плечо и слабо пожала. Спросила серьёзно, заглядывая в глаза: – Что с вами там произошло?

Изаму не нашёлся с ответом. Просто молчал и смотрел, а потом отвёл взгляд, пожал плечами. Он бы и сам хотел понять, что с ними произошло и как теперь жить дальше.

- Если захочешь поговорить, я всегда готова выслушать, – сказала она и ушла так же неслышно, как появилась.

Если бы всё было так просто. Если бы слова, произнесённые вслух, принесли облегчение, избавили от боли? Он чувствовал себя пустым без неё. Привык? За несколько дней, проведённых в одной камере? Но ведь прежде были годы, почему именно сейчас при виде её каштановой макушки приходится сжимать руку в кулак, чтобы ненароком не коснуться, не взъерошить привычным жестом? Её волосы мягкие, это Изаму знал всегда. Но теперь знает, как они скользят между пальцев, как удобно наматываются на кулак, как пахнут. У Асами свой,

особый аромат, что-то розовое, цветочное. И теперь он безошибочно чувствует её, даже если она далеко. Кажется, вся деревня пропиталась её запахом, иногда Изаму кажется, что он задыхается. Задыхается в ней.

Он задыхается, когда его вталкивают в камеру. Кашляет кровью, сплёвывая на пол, хрипит, придерживая рёбра. Били недолго, но умело, чтобы не сломать кости, но нанести больше урона внутренностям. С каким наслаждением Изаму разнёс бы здесь всё по крохотным камушкам! Только бы суметь отключить охранника... Они были слишком бдительны. Всегда ослепляли, светили прямо в глаза – после тьмы камеры ничего не разглядеть. А потом ловко застёгивали наручники.

Асами оказывается рядом мгновенно, едва за ним закрываются двери. Её запах, розовый, нежный, заполняет лёгкие. Хочется вдохнуть полной грудью и никогда его не выпускать из себя. Смешать с кровью. Изаму вздыхает и тут же шипит – кажется, одно из рёбер всё-таки треснуло.

– Плохо?

В этой темноте они научились различать миллион интонаций друг друга. Что за прихоть подонков – возвращать в камеру, когда наступает ночь? Как много бы он сейчас отдал за возможность увидеть её глаза.

– Жить буду, – усмехается. Осторожно сползает по стенке, вытягивает ноги. То, что произошло между ними две ночи назад до сих пор пугает. Слишком много вызывало эмоций. Слишком много привело с собой страха. За неё. Асами осторожно пристраивается под его боком, мягко водит ладонью по груди, животу, пытаюсь понять, оценить повреждения. Изаму перехватывает её ладонь, тянет к губам, шепчет:

– Всё в порядке.

Она тихонько всхлипывает в темноте, утыкается носом в его шею. Дышит прерывисто, ресницы мокрые. Опять плакала. Из-за него или из-за того, что делали с ней? Беспокойство пронзает молнией, безотчётный страх срывает сердце в бег.

– Я тоже в порядке, – она безошибочно чувствует его эмоции. Или он перестал их контролировать? Пальцы мягко стягивают маску, губы осторожно чертят линию челюсти. Изаму прикрывает глаза – её ласка робкая, неуверенная, но такая желанная. Две ночи, прошедшие после той самой, она доверчиво жалась к нему, наверняка ожидая повторения. Но он лишь сжимал в кольце своих рук, целовал макушку, зарывался носом в волосы. Даже сейчас, спутанные и грязные, они кажутся ему самыми мягкими и нежными на свете. Наверняка они сейчас оба хороши, его щетина скоро будет жестче, чем у кабана. А может, борода отрастёт, прежде чем они выберутся отсюда. С бородой носить маску проблематично, а может, и необходимости не будет... Представив это, Изаму тихонько фыркает. Асами тут же вскидывает голову, касается его носа своим.

– Раз мы оба в порядке, – шепчет она в его губы, – может...

Не продолжает. Садится на него сверху, кладёт руки на плечи. Он не шевелится, дышит через раз – по-прежнему больно, но теперь к боли примешивается ожидание. И интерес: как далеко она готова сейчас пойти. Асами осторожно стягивает водолазку, он слышит шорох её одежды. Но может удержаться от вздоха, когда её губы касаются кожи. Кончик языка обводит сосок, ведёт дорожку ко второму. Тёплые ладони скользят по рёбрам, животу, словно пытаюсь передать силу, залечить, убрать боль. Её слёзы горячие, каждой каплей оставляют ядовитый след. Он тянется, чтобы стереть их, ведёт по щеке рукой. Нежно, так нежно, что в груди тянет остро, пронзительно.

Изаму боится за неё. Боится так, что перехватывает дыхание. Она хрупкая. Храбрится, но не может скрыть от него свой страх. Его руки на её талии как обещание, защита, всё, что он сейчас может дать. Под пальцами кожа полыхает, чужой пульс сквозь подушечки, к сердцу. Её сердцебиение сейчас единственно важное. Рваное дыхание – единственный звук. Грудь в его ладони – единственное, что он чувствует. Он ЕЁ чувствует. Руки против воли к шее, губы против воли к губам. Он задыхается от её запаха, задыхается в ней, пьёт и снова не может напиться.

Асами дёргает его штаны слишком резко. Пытается стянуть, он привстаёт, помогая. Сейчас нет никого, кроме них. Ни каменного мешка, ни похитителей, никого. Только слабость в ногах, только сладость её губ. Только они двое. Она пытается увлечь его за собой на пол, но он придерживает за бёдра, останавливая.

– Так тебе будет удобнее, – шепчет в губы. И сам дышит через раз, когда она опускается на него. Мучительно медленно. Мучительно сладко.

Стонет, тихо, но отчётливо. Поводит бёдрами, и его пальцы крепче сжимаются на её талии. Так хочется её поторопить, направить. Но он не спешит. Даёт почувствовать, даёт выбрать темп. Асами дышит в его шею, отчётливо постанывая, и он не понимает, когда начал водить ладонями по спине. Не двигается, но привстаёт навстречу. Снова, снова, и снова. Теряет контроль, сам не замечая. Сцепляет руки на ягодицах, вбивается резко. Никакой нежности, только страсть, огонь, что сжирает одновременно. Как шнур, что тянется к взрывчатке. Тлеет, неотвратно приближаясь. Взрыв. Изаму дрожит. Сжимает её так крепко, что не вздохнуть. Выдыхает на ухо:

– Я хотел бы, чтобы это было не так. Не здесь.

Не со мной. Эти слова повисают в воздухе, но Асами их слышит. Чувствует. Целует в губы, не отвечая. И он смиряется. Это честно.

Это было честно. И он её отпустил. Переболит, перетерпит. Не в первый раз. Просто сейчас больнее, чем всегда. Просто сейчас что-то затронуло сердце глубоко, на грани. Изаму вздохнул, мазнул взглядом по обелиску и внутрь, в себя. Ту команду он не смог сберечь. Свою команду. И прошлого не изменить. А настоящее болью по натянутым нервам. Асами, зачем мы допустили это?..

Ему чётко дали понять, что пора остановиться. Каэдэ вызвала на ковёр и молча положила на стол приказ: назначение главой деревни.

– Мне пора на покой. – Она фыркнула, открыла шкаф, достала бутылку и два стакана. – Вообще я давно собиралась уйти, всё ждала, когда ты, придурок, наиграешься в героя.

– Почему я? – Изаму взял предложенный стакан, качнул в руке: в ноздри ударил резкий запах виски. Ничего слабее Каэдэ не пила.

– Потому что ты лучший, – коротко ответила она, делая глоток. – И потому что твои умения пригодятся здесь. Хватит, Изаму. Навоевался. Пора передавать опыт молодым.

Молодым. Он не считал себя старым. Тридцать четыре – не тот возраст, когда выходят на пенсию. Но в его случае это вообще чудо, что дожил до этих лет.

Дни складывались в недели, вчера его назначили главой. Вчера был праздник, и он радовался. Он должен был радоваться. Не получилось. Взгляд скользил по одной фигуре, снова и снова. По волосам, которые хочется пропустить сквозь пальцы. По талии, которую хотелось сжать в руках. Сделать её своей. Снова. Изаму смотрел бесстрастно (так ему казалось), когда ехидная Каэдэ не шепнула на ухо:

– Так что, Изаму-сама, не хочешь обсудить ваш с Асами плен?

Он едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Он попытался улыбнуться – глазами это получается легко, практика. Он пожал плечами и небрежно спросил:

– Что-то не так?

А сердце уже пробило дыру в грудной клетке. Потому что он до сих пор не думал, как будет тяжело. Прошло два месяца, а они ни разу не остались наедине. И он сам порой потворствовал в этом. Постыдно сбегал, когда она оказывалась слишком близко. Ему было больно рядом с ней. Как будто кости ломаются с тихим, неслышным хрустом, снова и снова. Изаму научился терпеть боль, любую. Только до сих пор не смог научиться терпеть Асами рядом. Слишком много воспоминаний. Слишком много боли.

Она застала врасплох, когда он ступил в темноту. Лепестки отцветающей Асами в её волосах так и манили убрать их. Сдержался. Асами поймала за запястье, видно, что сама смутилась своей дерзости.

– Капитан Изаму, – пролепетала тихо, – нам надо поговорить.

Изаму замер. Даже сердце пропустило три удара, прежде чем забиться снова. Поворот головы, и он воткнулся в её взгляд. Яркая, невозможно яркая зелень. Опаска, решимость и капля надежды. На что ты опять надеешься, Асами?

– Я беременна.

Он забыл как дышать. Совсем. Даже мысли о том, кто отец, не мелькнуло. Только пустота. И он падал в неё. Падал, падал, с такой скоростью, что голова кружилась.

– Значит, мы должны пожениться, – медленно произнёс он. Или не он, а кто-то другой. А сам Изаму со стороны наблюдал за тем, как расширяются глаза Асами, а губы пытаются сложиться в подобие улыбки.

Я всё-таки всё испортил, Асами.

Третья глава

Изаму дышал через раз. После её слов всё стало неважно. И она смотрела с такой надеждой... Ждала от него решения всех проблем. Как всегда. А он... Он не знал, что сказать, кроме: давай поженимся. Их страсть, или ошибка, вышли боком. А теперь он обязан связать её жизнь со своей.

– Что-о? – выдохнула Асами возмущённо. – Я не хочу... то есть, не могу... я...

– Ты ждёшь Сору. И ребёнка от меня, – безжизненно произнёс Изаму. Имя Соры полынью осело на губах.

Асами подавилась вздохом. Посмотрела на него внимательно. А чего она вообще ждала? Какой реакции? Сама узнала только сегодня утром, пришлось сесть – ноги моментально подкосились. Наверное, от такой новости стоит испытывать счастье, но его не было. Пустота в ней жадно облизнулась, стоило подумать о Изаму. О том, как ему рассказать. Привязать к себе, невольно, но крепко: при мысли об этом Асами вздрогнула. Нечестно. Несправедливо. Неизбежно. А ведь есть ещё Сора...Её привычная боль, его привычное отсутствие.

Спрятав лицо в ладонях, Асами замотала головой – почему всё так запуталось? Было сложно, стало невыносимо. Она ведь знала, видела – Изаму её избегает. Хотелось сказать ему, что она ни о чём не жалеет. Что благодарна за всё: за нежность, за эмоции, за то, что был рядом и не дал сойти с ума от страха. Что... скучает. По приглушённому голосу в темноте, по теплу руки, сжимающей её

руку, по касаниям, плавающим кожу. Иногда, глядя на него, Асами думала, что всё случившееся ей приснилось. Или, что там, в темноте, рядом был не он. Другой мужчина сводил с ума поцелуями, другой двигался в ней, срываясь на хриплые стоны, другой шептал ничего не значащие, но такие нужные слова. Другой был рядом. Ей отчаянно хотелось проверить. Хотелось видеть его, смотреть прямо в глаза, ловить его дыхание. Порой Асами казалось, что она теряет рассудок. Жизнь столько раз делилась на «до» и «после», но в этот раз «после» её разбило. Она чувствовала его, чувствовала постоянно. Изаму стал её фантомной болью – часть души, которой больше не стать целым. Асами свыклась, или только начала привыкать, но теперь...

– Я не хочу причинять вам неудобства, – тихо, но решительно произнесла она, вскидывая на него глаза. – Вы не обязаны связывать себя со мной, ничего страшного ведь не произошло, и...

– Как ты представляешь свою жизнь, Асами? – устало перебил Изаму. – Когда вся деревня будет гадать, кто отец ребёнка. Будет жалеть тебя. Или обвинять.

– Переживу. – Асами моргнула, поджала губы, упрямо вздёрнула подбородок.

Изаму сжал кулаки в карманах. Глупая, упрямая девочка. Опять храбрится. От желания обнять её, сказать, что всё будет хорошо внутри что-то ломалось. Снова и снова, с оглушительным хрустом. Нелепый, глупый разговор. Нелепые лепестки Асами в её волосах. И сам он – нелепый. С желанием быть рядом. Нелепый и ненужный.

– Переживёшь, – безжизненным эхом. Она наверняка хотела ребёнка. Может, не одного. Только не от него. Изаму почти не дышит – только сейчас осознал, как ей, должно быть, мерзко. Решил поиграть в благородство, ради чего? Испортил ей жизнь, а теперь пытается поступить правильно. Но для кого правильно, для себя?

– Наверное, ты права. – Его голос с тихим шелестом лёг на её плечи. Сухой, как ветер в пустыне. Асами распахнула глаза, пристально посмотрела на него, выжигая дыру в душе. Изаму чувствовал, как тлеет одежда, кожа, кости, как сердце останавливается, чтобы никогда больше не забиться. Сейчас она уйдёт и будет права. А он останется. С чувством вины. Лучше бы он не проснулся. Остался там, под завалом. Он и сейчас чувствовал каменную тяжесть,

прижимающую к земле. Только от этой тяжести уже не избавиться.

– Я не хочу, чтобы вы жертвовали собой ради меня, – твёрдо сказала Асами. – Вы и так сделали для меня слишком много.

Слишком много того, что лучше бы никогда не делать... Изаму понимающе кивнул – пусть обвиняет. Во всём только его вина.

– Это не жертва, Асами, – наконец ответил, тихо, устало вздохнул. – Но я тебя понимаю. Твоя свобода принадлежит только тебе. Я не вправе её забирать.

– Да послушайте же! – Асами возмущённо сжала кулаки. – Вы не слышите меня, совсем! Зачем я вам нужна?

Скажи же – беззвучно взмолилась она. Всего несколько слов, необходимых, чтобы снова начать дышать, а не давиться воздухом. Несколько слов, не связанных с благодарностью, необходимостью, долгом.

Потому что ты мой воздух.

Изаму снова вздохнул. Тяжело, шумно. И посмотрел прямо на неё, глаза в глаза. Долгим взглядом, выворачивающим наизнанку. Пустота внутри схлопнулась, Асами чувствовала, как снова заполняется им. Тонет и не хочет спасаться.

– Я выйду за вас замуж, – прошептала непослушными губами. – Только... Не знаю, как сказать родителям.

От этого признания, робкого, наивного, Изаму едва не рассмеялся. А может, от того, что стало легко – на короткий миг, но так легко, что мог бы взлететь.

– Я сам с ними поговорю.

– Может... может, пока не стоит говорить о ребёнке?

– Решать тебе. Только слухов всё равно не избежать.

– Неужели вы их боитесь? – Асами насмешливо фыркнула.

– Боюсь, что коснутся они в основном тебя.

– Ученица соблазнила бывшего учителя, думаете, это меня заденет? – Она не сдержалась, мазнула по телу взглядом. Помнила. Помнила каждый сантиметр, каждый шрам под своими губами. И никакая торжественная одежда не могла спрятать от памяти.

– Вообще-то наоборот, – бросил Изаму. Потёр шею и, не удержавшись, потянулся к ней. Аккуратно снял с волос лепесток, улыбнулся. – Я зайду завтра, предупреди родителей.

Он ушёл, а она ещё долго смотрела вслед, пытаясь удержать сердце, рвущееся к нему. Невеста главы деревни. Невеста Изаму. Даже про себя произносить страшно. Асами прикрыла глаза. Он предложил, она согласилась, почему тогда так тоскливо ноет в груди?

Всю ночь она ворочалась без сна, пытаясь понять. Себя, его, собственные желания и чужие причины. Она чувствовала его совсем недавно. Или в прошлой жизни. Сейчас сквозь стену, которую он возвёл вокруг себя, не пробиться никакой техникой. Но может, можно попробовать?..

Утро Асами провела, как на иголках. От бессонной ночи под глазами залегли тени, от волнения сердце то срывалось на бег, то замирало. Что скажут родители? Она предупредила, что к ним зайдёт сам глава, но причину так и не смогла назвать. За последние полчаса мать уже несколько раз бросала взволнованные взгляды, глядя на непрерывные метания от окна к дивану и обратно. Когда Изаму появился на пороге, Асами застыла, прижав ладони к груди – сердце билось о грудную клетку, разбиваясь на тысячи осколков и собираясь заново.

Всю ночь Изаму не спал. Мыслей было слишком много, они заполнили черепную коробку, напозая друг на друга, не давая вычленить хоть одну. Он поступает правильно, она сама согласилась, что не так? Правильно было держать себя в руках. Тогда. Обратной дороги уже нет, и никогда не будет. Будут два человека, живущие рядом из необходимости. Будет не проходящее чувство вины за чужую поломанную жизнь. Сейчас, глядя на взволнованную Асами, он особенно остро

ощутил его. Ты будешь жалеть – так говорил ей тогда. Только жалел сам.

– Мы с Асами решили пожениться.

Он сказал это просто. Спокойно. Избегая её взгляда. Митра прищурился, Айнэ настороженно посмотрела на покрасневшую дочь.

– Внезапно, – наконец проговорил Митра. – Не припомню, чтобы вы встречались.

– Внезапно, – спокойно кивнул Изаму, выдерживая пристальный взгляд. – Так получилось.

– Для жениха и невесты вы не выглядите слишком довольными, – осторожно произнесла Айнэ. Мысленно прокляв себя за недалёковидность, Изаму улыбнулся и нашёл ладонь Асами, осторожно её сжал. По нервам полыхнул ток, обжёг и остался пульсом в кончиках пальцев.

– Не хотели вас смущать.

– Ты уверена, что хочешь этого? – Митра посмотрел на дочь.

– Да. – Асами ответила твёрдо, гордо. Покосилась на невозмутимого Изаму и добавила: – Я уверена, что буду очень счастлива.

Кого ты сейчас обманываешь, Асами, родных или себя? Изаму подавил вздох и продолжил:

– Свадьбу сыграем на следующей неделе.

– Так быстро? – вырвалось у Айнэ. Взгляд Митры стал острым, цепким. Перебежал от Изаму к Асами и обратно.

– Так получилось, значит, – холодно процедил он. Айнэ коснулась его плеча, успокаивая.

– Расходы я беру на себя, – сказал Изаму, словно и не заметив вспышку. Повернулся к Асами: – На неделю возьми отгул, иначе не успеешь с подготовкой.

– Конечно, с остальным-то ты уже успел, – ядовито бросил Митра. – Когда только, интересно мне знать.

– Если в этом будет необходимость, Асами расскажет. – Изаму с сожалением отпустил её руку, поднялся. – Но я не думаю, что вам нужны подробности.

Лицо Митры побагровело, он поднялся было, но тут же сел – Айнэ дёрнула за рукав. Заговорила быстро, не давая мужу вставить слово.

– Мы рады, Изаму-сан. Главное, чтобы Асами была счастлива. Если она говорит, что всё хорошо, значит, так и есть.

Когда Изаму ушёл, в комнате повисла нехорошая, густая тишина. Асами тихонько вздохнула – рядом с ним было спокойно. Но взрыва не случилось: кашлянув, Митра поднялся и ушёл, оставив женщин разбираться самостоятельно. Однако Айнэ не стала расспрашивать. Улыбнулась мягко, погладила по руке и прерывисто выдохнула:

– Ты стала такой взрослой.

Четвёртая глава

– Вы собираетесь сделать что?! – Каэдэ уставилась на замолчавшего Изаму с таким выражением, будто ждала, что он вот-вот обернётся... Да кем угодно, потому что это не может быть правдой! Или всё-таки может? Он молчал, не собираясь говорить больше, чем уже сказал. Каэдэ прищурилась.

– Это случилось в плену. – Она не спрашивала, утверждала. Изаму кивнул – врать бессмысленно. – Нашли время, нечего сказать.

Изаму пожал плечами – какой толк оправдываться? Тогда это казалось единственно верным, правильным. Тогда он позволил себе поддаться эмоциям.

Позволил то, чего хотел слишком давно. И можно сколько угодно прикрываться тем, что секс помог пережить, помог дождаться. Не помог. Усложнил, да. Но не помог. И он должен был держать себя в руках, всю жизнь держал. Что изменилось? Когда плотина покрылась трещинами, затапливая самоконтроль? Когда она робко просила стать первым? Или, когда утыкалась носом в шею, шептала, что страшно, шептала, что рада, что рядом именно он?

- Когда свадьба?

- На следующей неделе.

Каэдэ издала странный, тонкий звук.

- Она беременна. - Снова не вопрос, утверждение. Изаму склонил голову - всё равно узнает. Скрыть не получилось, хотя не особо хотелось, наверное. Вся деревня уже к вечеру будет обсуждать.

- Всё могло быть хуже, - философски произнесла Каэдэ.

- Всё и так хуже некуда, - мрачно отозвался Изаму.

- Ой, только давай без драмы! Не думаю, что кто-то кого-то заставлял. Или?..

- Нет! - даже думать об этом было отвратительно. Она хотела его, он знал. Чувствовал. Хотела именно его, ночь за ночью. Тянулась за теплом и отогревала сама.

- Тогда не вижу проблемы, - ухмыльнулась Каэдэ. - Не усложняй там, где в этом нет необходимости.

Не усложняй. Если бы всё было так просто! Изаму тяжело вздохнул - в который раз за сегодня? - покачал головой. Спорить не будет, зачем? Его демоны только его демоны.

- И я бы посоветовала, - Каэдэ прищурилась, - выглядеть чуть более счастливым.

Будь это настоящая свадьба, в притворстве не было бы нужды. Будь это взаимные чувства, стремление стать ближе. Будь он Сорой.

Но притворяться всё-таки пришлось. Выслушивать чужие восторги, восклицания, осторожное, жадное любопытство. Деревня гудела. Наверное, каждый счёл своим долгом поздравить главу деревни и попытаться узнать причины спешной свадьбы. Изаму терпел, понимая, что скоро это кончится. Надо лишь немного потерпеть, Асами сейчас гораздо хуже. Они почти не виделись, а при встрече говорили только о предстоящей церемонии. Это просто надо пережить, а потом каждый будет жить как раньше. Пока не появится ребёнок. Изаму никогда не задумывался о собственных детях. Даже представить не мог, а теперь... Наверное, он должен был испытывать счастье. Только счастья не было. Ребёнок – это оковы, в которые он невольно заковал Асами. Сможет ли он его полюбить? Или её? Эти мысли были новыми, волнующими и странными.

– Изаму-сан! – Кацу как всегда влетел без спроса. – Вы сильно заняты? Кажется, нет. Тогда я вас забираю.

– Куда? – насмешливо спросил Изаму.

– На мальчишник, куда же ещё!

Мальчишник. Прощание с холостяцкой жизнью. Глупая, наивная традиция. Хорошая традиция и вечер в кругу друзей. Возможность отвлечься и забыть, хотя бы на несколько часов, что уже завтра Асами станет его женой.

– И что, какой он?

Цубаки сидела напротив, подпирая щёки кулаками, и пыталась выпытать у подружки «историю великой любви». Именно великой, ведь другая не смогла бы затмить любовь к Сору. Объяснения Цубаки Асами неприятно удивили. За последние пять дней думать о чём-то кроме свадьбы она просто не успевала. Мило улыбалась, замечая чужие внимательные взгляды. Принимала поздравления и говорила только о цветах, приглашениях и меню. Счастливая невеста, ожидающая самого счастливого дня в жизни. Даже перед подружкой приходилось носить маску.

– А то ты не знаешь. – Асами улыбнулась. Несмотря ни на что, говорить об Изаму было приятно. Пожалуй, она могла бы говорить о нём часами и сегодня можно было не запрещать себе.

– Ты явно знаешь больше. – Цубаки подмигнула. – Ну, скажи, как он целуется?

– Потрясающе, – выдохнула Асами, не успев задуматься. Цубаки тут же выпрямилась, стала похожа на собаку, взявшую след. Почему-то спросила шепотом:

– А какой он без маски?

Асами задумалась. Не говорить же подруге, что не видела. Зато помнила отлично.

– Красивый, – медленно заговорила она. – Тонкий прямой нос, нижняя губа чуть больше верхней. Острые скулы.

Вздыхнув, Асами замолчала. Воспоминания, яркие, обжигающие, принесли с собой горечь. Позволит ли он ещё хоть раз к себе прикоснуться? Или будет делать вид, что между ними всё в прошлом, и, кроме ребёнка, ничто не связывает?

– Да ладно тебе грустить, – усмехнулась Цубаки. – Завтра уже налюбуйся на своего Изаму. И всё-таки, как у вас всё закрутилось? Никогда бы не подумала, что ты и он...

Никто бы не подумал. Асами вздохнула и принялась вдохновенно врать.

Душно. От взглядов, шепота за спиной, Асами было душно под слоями белого шелка праздничного кимоно. Утром, когда мама заворачивала вокруг талии пояс оби, она смотрела в зеркало, пытаясь найти себя. Найти спокойствие, уверенность, решимость. Не нашла. И сейчас задыхалась, стоя напротив него, смотря и тоже не узнавая в незнакомце напротив. Он улыбался одними глазами, мягко, ласково, но Асами чувствовала – это показное. Не было сейчас в Изаму ни веселья, ни нежности. Она вложила свои ладони в его, и в сером взгляде мелькнуло понимание. У Асами кружилась голова. Произнося клятву, она не

вникала в слова, не понимала, что говорит. Когда Изаму замолчал, повисла тишина. Кровь в ушах зашумела, перед глазами поплыли чёрные точки. Холодные пальцы дрогнули, надевая кольцо.

Изаму осторожно положил обжигающие ладони на плечи, поворачиваясь спиной к гостям. Потянулся к маске. Сейчас он её поцелует. Эта мысль обожгла, скрутила живот резким спазмом. Как замороженная, Асами смотрела, как он тянет пальцы без привычных перчаток к лицу. Отстранённо заметила, какие красивые у него руки. Ткань дрогнула, сдвинулась на миллиметр, потом ещё на один. Чёрные точки поплыли перед глазами, Асами распахнула их ещё больше, чтобы видеть, чтобы не пропустить. И... с тихим вздохом осела на пол.

Изаму подхватил моментально, не думая. Тело сработало быстрее, чем мозг, слишком занятый малейшими оттенками её эмоций. Полчаса назад, когда он увидел её, в белом, с розовой цветущей веткой в волосах, воздух закончился. Будто кто-то выкачал, не давая опомниться и успеть защититься. Перед Асами он был абсолютно беззащитен. Это пугало. Тонкая талия, которая так удобно ложилась в его широкие ладони, была перетянута красной тканью, маня снова обнять. Почувствовать тепло её тела, отогреть свою душу.

Когда она встала перед ним, когда протянула руки, он испугался собственной реакции. Потому что потянулся к ней сам, раньше. Коснулся и с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть. От кончиков её ледяных пальцев к сердцу устремились тонкие нити, путая, замораживая, замедляя стук. Изаму присмотрелся, горько поджал губы – казалось, она вообще не понимает, что происходит. Шевелит губами, не слыша, не вникая. Как приговорённый к смерти перед исполнением приговора. Он не надеялся, что Асами будет светиться от радости. Но отражение собственных мыслей в её глазах резало на лоскуты.

Растерянность и пустота. Неизвестность и страх. В висках набатом: ошибка, ошибка, ошибка. Привычная мысль о том, что он тут лишний, полоснула болью. Изаму едва не запнулся, произнося клятву, стараясь не думать, что Асами сейчас представляет, как это было бы с Сорой. Когда все замерли в ожидании поцелуя, сознание пронзила мысль: сейчас он её поцелует. Он, Изаму, не Сора. При всех, открыто. Стоило об этом подумать, и нервные узлы вспыхнули, разнесли ток по венам. Глядя в её глаза, такие огромные, ярко-зелёные, он тихо выдохнул, повернулся спиной к гостям, положил ладони на хрупкие плечи. Она всё ещё была обжигающе ледяной. Изаму нахмурился. Что-то было не так. За мгновение до того, как она начала оседать на пол, подхватил, проклиная за

невнимательность. За забывчивость.

Как мог забыть о её состоянии? Позади раздались встревоженные крики, кто-то, кажется, Айнэ, оказался за спиной раньше всех. Изаму крепче перехватил потяжелевшее тело Асами и решительно прошёл сквозь толпу, скрываясь в доме. Айнэ, Цубаки, Кацу, Хината – кажется, следом двинулись все, обеспокоенно переговариваясь. Но Изаму решительно пресёк любое проявление заботы, попросту ногой захлопнув за собой дверь.

Дом главы деревни, дом его семьи, в котором он не был столько лет, лишь недавно отремонтировали. В нём ещё пахло свежей древесиной и слабо – краской, на пустых полках не успела осесть пыль. Не, останавливаясь, Изаму отнёс Асами в спальню, положил на кровать и сел рядом. Он чувствовал её пульс, спокойный, ровный. Знал, что с ней всё в порядке. И просто ждал, когда придёт в себя. Ждал и смотрел на неё, не отрываясь скользил взглядом, позволяя не таиться, не делать вид, что всё равно.

На щёки постепенно возвращался румянец, грудь опадала и приподнималась в такт дыханию, причёска слегка растрепалась и в волосах опять запутались лепестки. Он потянулся, чтобы убрать их, нежно коснулся каштановой пряжи, пропустил между пальцев, не в силах выпустить. Живая, настоящая. Его жена. Эти два слова до сих пор звучали нереально. Для всех он теперь имеет на неё все права. Имеет право касаться, когда захочет, целовать, как хочет. Заниматься сексом, сколько захочет. Сердце ухнуло в живот, забилося там, гоня кровь по телу, устремляя её вниз, к паху. Изаму стало жарко, так резко, что он приоткрыл рот, выдыхая горячий воздух. Склонился к ней ниже, внимательно всматриваясь в лицо. В плотно закрытые веки с тонкой сеткой голубых капилляров. В сомкнутые губы, которыми невозможно напиться. Он помнил, какие звуки она издавала, шумно дыша в его ухо, и новая волна жара обожгла, заставила прикрыть глаза.

– Тише...

Он шепчет, как в бреду, вжимая её в себя, вбиваясь на всю глубину, вызывая новые стоны. Дрожащие, сексуальные, рвущиеся прямо из сердца, они сводят с ума. Изаму и так давно потерял голову, а сейчас лишается последних остатков рассудка, удерживаясь на грани, после которой останется голая похоть.

- Тише, - резкий толчок, приглушённый стон. - Тише, - выйти из неё почти до конца, чтобы стремительно насадить, сжимая пальцы на ягодицах. - Тише... тише... тише...

Влажные шлепки, с которыми соприкасаются их тела, звенят в ушах. Асами выгибается, крепко сжимает его бёдра ногами. Он чувствует, как она распахивает рот - её дыхание сжигает его кожу на шее. Ладонь опускается на её губы, глушит её стон, и вибрация от него впивается в кожу, дрожью к сердцу. Её язык по его пальцам, сначала робко, потом требовательно. Изаму шипит, когда она засасывает средний в рот. Жмурится до красноты, сбиваясь с ритма. Ладонь на её лице дрожит, он с трудом отнимает её ото рта, из влажной, жаркой глубины. Запускает в её волосы, наматывает их на кулак, заставляя выгнуть шею. Его губы тут же прикипают к ней, посасывают солёную кожу, прихватывают губами. Асами гортанно стонет, когда он начинает ускоряться, и язык Изаму врывается в её рот.

- Я... - всхлипывает Асами между короткими, жадными поцелуями, - я почти... Изаму...

Её ладонь впивается в его плечо, обломанные ногти царапают кожу. Его голос срывается, непривычные тонкие ноты гласных.

- Знаю... знаю, Асами... тише...

Колени горят, когда он сильнее упирается ими в каменный пол. Руки дрожат - удержать бы её горячее, скользкое от пота тело. Асами кусает его за губу, рот тут же заполняется кровью, и когда её стенки сокращаются вокруг его члена, он успевает подумать, что точно сошёл с ума. Что-то звериное, дикое, неконтролируемое, рвётся наружу, заставляя дрожать, мять податливую кожу, насаживать на себя, пронзать снова и снова, пока пот не начинает капать на ресницы. Изаму кусает её плечо, давится собственным стоном. А после - дрожит, не в силах оторваться от неё. Не в силах выйти. Выпустить из рук.

Воздух в камере душный, тяжёлый. Пахнет потом, сексом и ею. Розовое, нежное щекочет ноздри. Заставляет вдыхать полной грудью. И он дышит. Дышит так глубоко, как только может, жалея только об одном - что не видит её сейчас.

Грустная улыбка дрогнула на губах и тут же застыла – Асами резко открыла глаза. А он замер над ней, всё ещё держа прядь волос. От непрошенного воспоминания сердце до сих пор заходилось в бешеном стуке. Изаму невозможно вытащил лепесток, отбросил в сторону и выпрямился.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Асами привстала на локтях, но накатившая слабость заставила вновь откинуться на подушку. – Голова закружилась. С утра ничего не ела.

Он медленно кивнул. Сам не смог заставить себя проглотить ни крошки. Улыбнулся – лучики-морщинки брызнули из уголков глаз.

– Я стащу тебе что-нибудь со стола, а пока лежи.

Изаму поднялся, запрещая себе думать о том, что чуть было не поцеловал её. Находящуюся без сознания. Долбаный извращенец.

– Изаму-сан, – остановила Асами. Он обернулся, приподнял бровь, замечая яркие розовые пятна, вспыхнувшие на её щеках. – Вы мне не поможете? – Она повела ладонями по оби, смущённо опустила глаза, тихо проговорила: – Туго.

В два шага он оказался рядом. Асами повернулась спиной, давая доступ к большому банту, и он потянул широкие ленты, стараясь не касаться пальцами спины. Не удержался. Подушечки скользнули по позвоночнику, подцепили тугой пояс. Задержались на мгновение. Но она успела почувствовать. Успела замереть. Пронзило током, так остро, что стало страшно. Асами прикусила щёку, прикрыла глаза. Желанная, осторожная ласка, как короткое напоминание о том, что было. Он тихо выдохнул в её шею – от горячего дыхания волоски на затылке зашевелились. И тут же встал. Неслышно закрылась дверь. Остался только его запах. Так пахнет гроза: слабый металлический вкус на губах. Земля после дождя. Озон и свежесть. Асами слабо улыбнулась. Так пахнет её муж.

Пятая глава

Стоило выйти из спальни, как тут же натолкнулся на стену из вопросительных взглядов. Изаму едва заметно усмехнулся, пожал плечом, нашёл Айнэ и кивнул.

– Всё в порядке. Просто ничего не ела. Скоро мы к вам присоединимся, идите, веселитесь.

– Всегда знала, что у Асами с головой того, – проворчала Цубаки. – Как можно было забыть поесть?..

– Потребность в пище – одна из первых потребностей нашего организма. Но на фоне стресса она может заглушаться, – заметил её парень.

– Ничего, Изаму-сан сейчас её откормит! – радостно фыркнул Кацу. – Пойдём есть уже, у меня от голода тоже сейчас обморок случится!

Изаму фыркнул – последняя фраза прилетела в спину, он почти дошёл до заставленных едой столов. Взял пустую тарелку, положил пару кусочков мяса, рисовые шарики, листья салата. Подкрепиться самое то. Потом, за столом, съест больше. Гости постепенно рассаживались, комментируя церемонию, а он вернулся к ней.

В тишину их собственной спальни. Изаму поставил тарелку прямо на покрывало и отошёл. Прислонился к стене у двери, засунул руки в карманы.

– Вы будете смотреть, как я ем? – удивилась Асами.

– Будет выглядеть странно, если прямо сейчас я вернусь к гостям, – ровно ответил он. – Жена упала в обморок, а муж ушёл веселиться.

Асами вспыхнула. Чуть смущённо кивнула, отправила в рот мясо и с трудом заставила себя двигать зубами. В его сторону она старалась не смотреть, только один раз бросила короткий взгляд, когда изголодавшийся желудок громко заурчал. Поймала улыбку в прищуре глаз, робко улыбнулась в ответ. Это всё ещё Изаму-сан. Не незнакомец из темноты. Это теперь её муж. А значит, незнакомец – не обрывок из долгого сна. А тот же Изаму. Сенсей. Это слово теперь приобрело особенный оттенок. Будто напоминание – он научил её слишком многому. И некоторые из его умений были слишком... занимательными.

Асами очень надеялась, что не покраснела сильнее. Потому что сильнее просто невозможно. Запихнула в рот весь лист салата, чтобы скрыть смущение. Принялась активно жевать. А он продолжал стоять и смотреть – она чувствовала его взгляд. От него хотелось спрятаться и одновременно встретить его. Спокойно, без дрожи, пронзающей тело. Без воспоминаний, терзающих душу. Как раньше. Так, как никогда больше не будет.

Они не произнесли ни слова. Молча вернулись к гостям. И весь вечер играли, вдохновенно играли беззаботную, немного смущённую общим вниманием пару. Изаму явно веселило то, как все пытаются подловить его на поцелуе. Кацу после четвёртой бутылки sake буквально повис на нём, уверяя, что свадьба без поцелуев жениха и невесты не свадьба.

– Ну же, Изаму-сан! Посмотрите, какая Асами красивая! Неужели совсем-совсем не хочется её поцеловать?

– Это моя свадьба, Кацу. Хочешь возбудиться – найди свою девушку.

– Я приду к вам ночью под окна и буду петь, – пьяно улыбнулся Кацу. – И испорчу вам первую брачную ночь.

Хината осторожно потянула его за рукав. Но Кацу лишь отмахнулся и с угрозой продолжил:

– И буду приходить постоянно, если вы не поцелуете Асами!

Изаму склонил голову и насмешливо посмотрел на бывшего ученика. Кацу пьяно икнул и пригрозил пальцем:

– Приду-приду, так и знайте!

– Ради возможности послушать твоё пение я поставлю на балкон кресло, – хмыкнул Изаму, старательно игнорируя разлившуюся по груди тоску – если бы дело было только в чужих воплях. Он не поцелует Асами ни сегодня, ни завтра. Ни через год. Она так старательно избегала его весь вечер, что не надо было обладать сверхразумом, чтобы понять – не хочет. Смущается. Может, презирает. Этот праздник с самого начала обещал быть сложным, теперь, когда

большинство гостей напилось, превратился в пытку. Изаму смотрел на фигурку в белом кимоно – желание коснуться её причиняло физическую боль. Всякий раз, когда их взгляды пересекались, она опускала глаза и слабо улыбалась. Потому что так надо.

– Я же сказала – не драматизируй, – хмыкнула Каэдэ, слегка покачнувшись, и тяжело рухнула на ближайший стул.

Изаму неопределённо хмыкнул, взъерошил волосы на затылке. Нашёл глазами Асами и сжал губы, заметив, как она со смехом отказывается от стакана, протянутого Цубаки. Вспомнил, почему. Скрипнул зубами.

– Ты баран, Изаму, – доверительно сообщила Каэдэ.

– М? – он покосился на неё.

– Ещё больший баран, раз тебе надо объяснять, почему.

Изаму сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. Вытянул ноги, вновь отыскав Асами взглядом. Жена. От этого слова вдруг стало тепло. На короткое мгновение он позволил себе представить, каково это: быть её мужем. Настоящим мужем. И этого мгновения хватило, чтобы что-то мягкое обволокло внутренности. Возможно, только если представить, что он действительно решил жениться, он выбрал бы именно её. В какой-нибудь другой, чужой жизни.

– Ты чего не пьёшь?

Цубаки подозрительно прищурила один глаз, попыталась подпереть кулаком щёку, но локоть поехал по столу и, Цубаки едва не рухнула лицом в недоеденный кусок торта. В последний момент выпрямилась, тряхнула волосами, явно пытаясь вспомнить вопрос. Вспомнила и широко улыбнулась. Пихнула Асами в бок и подмигнула.

– Брачную ночь ждёшь, да?

Асами поперхнулась соком. Стукнула себя по груди, проталкивая разросшийся до необъятных размеров комок в горле. Неопределённо замычала.

– Расскажешь мне потом всё. В подробностях.

– Не надейся. – Асами порадовалась, что голос не дрогнул, прозвучал как надо – с лёгкой ноткой высокомерия. Потому что сама думала об этой ночи со смесью надежды и безнадёжности одновременно. Знала – ничего не будет. И всё равно ждала. Насколько проще бы стало всё между ними, если бы Изаму не отгораживался стеной в сто рядов кирпичей. Стеной, которую ей пробить не под силу. А на что она вообще рассчитывала? На то, что фамилия Хиаши рядом с её именем сделает их ближе? Или на то, что он резко изменит своё отношение к ней, их браку, их ребёнку?

С трудом удержавшись, чтобы не коснуться живота, Асами тихонько вздохнула. Цубаки, которая уже успела задремать, устроив-таки голову на ладони, открыла мутные глаза.

– Ты ещё здесь? – она обвела веселящихся гостей расфокусированным взглядом и подняла вторую руку. Ткнула пальцем в Изаму, сидевшего на другом конце двора рядом с Каэдэ, и не слишком чётко, зато торжественно, произнесла: – Забирай своего мужа и проваливай! Я разрешаю!

Асами покачала головой. Открыла было рот, чтобы ответить, но подруга снова отключилась, приоткрыв рот и блаженно улыбаясь. Пожалуй, им действительно пора уходить, пока остальные не стали активно интересоваться, почему жених с невестой не спешат уединиться. Изаму словно услышал её – поднялся одновременно с ней, пошёл навстречу. Кацу пьяно заулюлюкал, когда он решительно сплёл их пальцы вместе и ободряюще улыбнулся глазами. Асами едва заметно кивнула и позволила себя увести, по пути прощаясь с друзьями и отвечая на шумные, искренние поздравления.

И лишь когда за ними закрылись двери, замерла испуганным зверьком. В его широкой ладони её ладошка казалась такой маленькой, а незащищённая перчатками кожа прожигала до костей жаром. Его большой палец скользнул по её костяшкам, и от простого касания низ живота скрутило болезненным, сладким спазмом. Напуганная собственными ощущениями, Асами резко выдернула руку и тут же виновато улыбнулась, успев поймать что-то в его

глазах. Короткий отблеск сожаления. Вспышку понимания.

– Я лягу на диване, – прошелестел он и отвернулся. Решительно направился в спальню, а она так и осталась стоять, прижимая руку к горлу. Сердце билось в нём, заходясь в заполошном ритме. Изаму вернулся с охапкой постельного белья и, не обращая на неё ни малейшего внимания, принялся расстилать простыню. Асами отмерла и медленно побрела в спальню, стараясь дышать через раз – озона в её лёгких стало слишком много, захотелось поймать его широко раскрытым ртом, заполнить каждую клеточку. Уткнуться носом в его шею и дышать, дышать в унисон, как с тем незнакомцем в темноте, который по случайности теперь назывался её мужем.

Шестая глава

Асами сидела на кровати уже полчаса, не меньше. Настороженно прислушивалась к звукам, доносящимся из гостиной, но там было тихо. Там был Изаму, и её отчаянно тянуло к нему: просто сесть рядом, поймать его улыбку, услышать голос, говорящий, что всё будет хорошо. Но в его стене прибавился очередной ряд, наверное, будь она реальна, пробить было бы легче. Тихо вздохнув, Асами поднялась и начала раздеваться. Осторожно сложила кимоно, убрала в коробку, которую нашла в шкафу – когда и кто успел принести её сюда вместе с вещами? Взгляд скользнул от ровных рядов вешалок, наполненных её одеждой, дальше. Сердце застыло, прежде чем рухнуть камнем вниз. Одежда Изаму тоже висела здесь. И это было... интимно. Его водолазки рядом с её майками и шортами. Его штаны, сложенные на полке чуть ниже её платьев. В плетёной корзине его носки и трусы. Асами зажмурилась. Снова распахнула глаза, покосилась на дверь, словно он в любой момент может зайти. Вытянула шею, заглядывая внутрь. Ничего интересного, серые и чёрные боксеры, аккуратно скрученные. Кто постарался? Она будто вторглась на запретную территорию, осторожно исследуя ту часть жизни Изаму, о которой никогда не задумывалась. Кто стирал ему одежду? Они ни разу не видели его в прачечной или в химчистке.

Переступив босыми ногами, Асами решительно дёрнула с вешалки светло-зелёный халат, зацепив одну из водолазок. Вешалка опасно качнулась, и ткань съехала, чёрной кучкой упала под ноги. Вновь бросив взгляд на дверь, Асами

подняла её и, невольно покраснев, прижала к лицу. Но тут же разочарованно отпустила – свежая. Слабый запах порошка, ничего общего с тем, другим. Вернув водолазку на место, Асами едва успела закрыть шкаф, когда в дверь тихо постучали.

Обычный звук всколыхнул тысячу эмоций разом. Они вспыхнули в голове, запустили сорвавшееся на бег сердце, впрыскивая адреналин в артерии. Асами взяла себя в руки. Асами смогла вернуть контроль над телом, придать лицу спокойное выражение. Асами потеряла контроль моментально, стоило открыть дверь. Изаму стоял в одном сером полотенце до колен, придерживая его на бёдрах, и серой маске. И смотрел густым, непроницаемым взглядом. Опомнился. Улыбнулся.

– Прости, но кажется, мои вещи висят в твоём шкафу.

Ошеломлённая, Асами молча отошла в сторону, давая ему пройти. Изаму непринуждённо протиснулся между ней и дверью и прошёл к шкафу, оставляя на деревянном полу мокрые следы.

– Конечно, никто и представить не мог, что это доставит нам неудобство, – продолжал он, как ни в чём не бывало, открывая шкаф и выуживая из него одежду. – Я как-то не подумал сразу... – Он обернулся через плечо, добавил чуть тише, серьёзнее: – Этого больше не повторится. Прости.

И вышел так же стремительно, как и появился. Только следы на полу и запах грозы в лёгких напоминали, что ей не привиделось. Асами перевела дух – не дышала всё это время. Перед глазами – его спина, широкие плечи, лопатки, впадина позвоночника. Если бы его спина была картой, она смогла бы изучить каждую страну, в которой он получил свой шрам. Асами помнила их под своими пальцами, гладкие или выпуклые, бугристые или ровные. Но только сейчас разглядела по-настоящему. Это оказалось больно. Закрыв глаза, Асами заставила себя дышать глубоко, медленно, но тут же поняла – плохая идея. Слишком плохая. Озон заполнил лёгкие, картинка перед глазами сменилась.

Вот он стоит перед ней, небрежно придерживая полотенце на боку. На груди, плечах, животе ещё дрожат капли воды, стремительно испаряясь. Волосы ещё мокрые, тяжёлые, слегка взъерошенные, потемневшие. С одной стороны полотенце сползло, открывая вид на тазовую косточку. Узкие полоски паховых

мышц скрываются под тканью, а между ними – полоска белых волос, у пупка редкая, уходящая вниз. Асами мысленно застонала, проклиная себя за слишком хорошую визуальную память. От увиденного спёрло дыхание, между ног полыхнуло жаром. Проклятые гормоны, не иначе. Незнакомец в темноте резко обрёл форму, всё ещё скрываясь в полумраке. Но она действительно вспомнила. Каждую впадину на его теле, каждую мышцу, отзывающуюся дрожью на прикосновение губ. Асами почти сделала шаг к двери, почти потянулась за ним, качнувшись вперёд, но заставила себя остановиться.

Что ты творишь, Асами?.. Это по-прежнему был Изаму. Из плоти и крови, настоящий. Язвительный, насмешливый. Серьёзный, опасный. Тот, кого она уважала. Тот, кого она не любила. Не так, как надо любить мужчину. Как друга – да. Как мужчину... Вновь прикрыв глаза, Асами со вздохом села на кровать. Упала на подушку, раскинув руки. Он был мужчиной. Открытие, не так ли? Привлекательным мужчиной. Волнующим мужчиной. Опытным мужчиной. Асами прикусила губу и тихонько застонала от осознания того, что он здесь. Совсем близко. И что теперь им жить под одной крышей, видеть друг друга каждый и день и делать вид, что ничего не было. Лучше бы она ушла из деревни. Лучше бы он никогда ничего не узнал.

Изаму лежал на диване и смотрел в потолок. До слуха доносились звуки стихающего праздника, чьи-то радостные выкрики и громкий смех. А здесь было тихо, только собственный стук сердца. Он слышал, как Асами передвигается по дому, слышал, как она прошмыгнула по коридору в ванную, как включила воду. Вздохнул. Она было так близко... И он никак не мог избавиться мысли, что недостаточно. Если подумать о том, что сегодня их первая брачная ночь. Если подумать, что в спальне большая, удобная кровать. Если подумать, что им никуда не надо спешить и нечего бояться... Изаму глухо застонал и накрыл ладонью глаза.

Дверь в ванную открылась, заставляя напрячься и без того напряжённое тело. Её запах, густой, розовый, влажный, заставил сжаться внутренности. Больше всего на свете ему хотелось оказаться сейчас как можно дальше отсюда. Но будет ли это честно по отношению к Асами? Невзирая на то, что между ними случилось и продолжает происходить, сбежать в первую ночь он попросту не может. Даже если ей всё равно. А ей не всё равно.

Он снова тяжело вздохнул, не отнимая ладонь от лица. Зайти к ней за одеждой казалось естественным ровно до того момента, как она открыла дверь. Её взгляд

был ошарашенным, но не испуганным. В нём было что-то, заморозившее. Если бы у него было чуть больше времени, он бы пригляделся. Попытался выудить эмоцию из глубины ярко-зелёных глаз. Попытался бы её удержать. На миг его даже пронзила идея случайно уронить полотенце. Изаму с трудом удержался от смешка, представив, как округлились бы глаза Асами. И следом – уже привычной болью – а что потом? Она бы неловко молчала, а он так же неловко подбирал полотенце с пола. Новая усмешка горько скривила губы.

– Изаму-сенсей? – робкий голос раздался прямо над головой. Изаму поражённо замер – настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как она подошла. Она действительно делала его беззащитным. Медленно убрав ладонь, он спокойно посмотрел на неё, старательно избегая опускать взгляд ниже её глаз.

– Давай без сенсеев, – тихо попросил он. Подумав мгновение, Асами несмело кивнула. Она хотела спросить, не хочет ли он поесть, потому что сама проголодалась, а есть, не предложив ему, просто не могла.

– Изаму... – начала было и осеклась, испуганно хлопнув ресницами.

Удар тока пронзил обоих, одновременно. Асами почувствовала, как прилип язык к нёбу, а внизу живота вновь всколыхнулось горячее, тёмное возбуждение.

– Изаму... – она выстанывала его имя в сотне вариаций: по слогам, с придыханием, прерывисто, растягивая, выталкивая из груди.

– Изаму... – когда он был восхитительно глубоко в ней: замирал, двигался, вращал бёдрами.

– Изаму... – задыхаясь перед очередной вспышкой яркого, ослепляющего оргазма. Еле слышно, мучительно томно.

Он не думал, что его имя может иметь такую силу над его эмоциями. Что, произнесённое ей, может буквально взорвать внутренности, обжечь жидким огнём. Асами зачарованно смотрела, как расширяются его зрачки, заполняя тёмно-серую радужку, а грудь под майкой начинается подниматься выше, резко опадая. Если его возбуждение выглядело именно так, то она готова называть его по имени каждую свободную минуту. Вдох. Выдох. Ещё один вдох, и глаза вновь приобрели привычный оттенок, становясь непроницаемой ртутью.

– Что случилось? – кашлянув, спросил он.

– Я хотела поужинать. Не составите мне компанию?

– Ужинай сама, Асами. Я, если честно, слишком устал.

Он смягчил отказ улыбкой, но они оба знали, что это ложь. Но заставлять его терпеть её общество Асами не собиралась. От мысли, что она теряет ещё одну, неоспоримо важную, часть их дружбы, хотелось заплакать. Значит, больше не будет ни совместных перекусов, ни непринуждённых разговоров. Не получится просто сидеть рядом, думая каждый о своём, в уютном молчании. Если ей казалось, что свадьба что-то изменит в их непростых отношениях, то она жестоко ошибалась. Медленно развернувшись, Асами направилась на кухню, когда в спину прилетел едва различимый вздох.

Теперь, когда не было необходимости прятаться за маской спокойствия, взгляд Изаму жадно пробежал по её фигуре, от открытой шеи по спине, к бёдрам. Свет из кухни очертил каждый изгиб, сделал тонкую ткань халата почти прозрачной, с лёгкостью обрисовал длинные ноги и то, что под халатом на ней почти ничего нет.

Едва заставив себя дойти до стола, Асами всё же обернулась. Но, к её разочарованию, Изаму не смотрел на неё. Отвернувшись к спинке дивана, он почти полностью уткнулся в неё лицом и натянул одеяло до подбородка. Несмотря на полоснувшую обиду, Асами почувствовала умиротворение. Он всё равно был рядом, как бы ни пытался отгородиться. И она постарается сделать всё, чтобы по кирпичику разобрать его стену. Попытается создать хотя бы видимость нормальной семьи до того, как родится ребёнок, который явно не заслуживает знать, в каких условиях был зачат и почему поженились родители.

Задумчиво ужиная, Асами подумала, что почти не думает о жизни, зародившейся внутри. Или думает абстрактно, как о свершившемся факте. Не раз видела пары, приходившие в больницу за помощью. Планировавшие, мечтавшие, почти отчаявшиеся. А у неё всё случилось спонтанно, резко. И легко. Наверняка Изубаки пошутила бы о чересчур шустрых сперматозоидах знаменитого Копирующего ниндзя. Наверняка бы добавила, что он умеет копировать не только чужие техники. Асами тихонько хмыкнула, покосилась на диван, с которого не доносилось ни звука. Как же хотелось забраться сейчас под

его бок, уткнуться носом в шею и заснуть под мерный стук сердца. Это было жизненной необходимостью там. И до сих пор было необходимо здесь. А ещё Асами подумала, впервые за прошедшие два с лишним месяца, что им надо поговорить. По-настоящему поговорить, обсудить, перестать закрываться от прошлого.

То, что произошло тогда было внезапно и незапланированно. Но также было и прекрасно. И тогда казалось единственно верным и естественным, что когда-либо между ними происходило. Асами помнила чувство единения, настолько безграничного, будто они всю жизнь были частями одного целого, и только сейчас, наконец, слились в одно. И стали сильнее. Как бы они ни пытались от этого отгородиться, это чувство останется с ними навсегда.

Что бы каждый из них ни внушал самому себе, Асами знала – Изаму занял слишком много места в её душе. Асами верила – в его душе для неё тоже достаточно места. Тогда как произошло, что они не смогли обсудить, обговорить, попытаться стать друг для друга кем-то большим после. Это ведь несложно – поговорить. Сложить буквы в слова и придать им звучание. Наполнить смыслом. Они умели говорить. Умели разговаривать. Только...

Она вновь посмотрела на неподвижную фигуру, старательно делающую вид, что спит. Прикусила губу – упрямый – как смотреть ему прямо в глаза, говоря вслух о том, что между ними было? Эмоции, что охватывали, стоило об этом подумать, складываться в слова совершенно не желали. А время, чтобы решить всё сразу, свободно и непринуждённо, безвозвратно упущено. В висках начало покалывать – сказывались дни напряжённого ожидания и предсказуемая усталость. Асами с трудом заставила себя помыть тарелку и, сонно потирая глаза, побрела в спальню. У дивана остановилась, представив, как отреагировал бы Изаму, если бы она сейчас позвала его спать в одной кровати. Тонкое одеяло облепляло его тело, как вторая кожа: приподнятое вверх плечо, изгиб руки, согнутые колени и широкие ступни. Он закутался, как куколка в кокон, только кончики светлых волос торчали наружу. Наверняка, он бы привычно улыбнулся и мягко отказался. Что-нибудь вроде: спасибо, Асами, мне и здесь удобно. Тихонько вздохнув, она с усилием заставила себя отвернуться и уйти.

Седьмая глава

Когда дверь в спальню закрылась, Изаму выдохнул. Легонько стукнулся лбом о мягкую спинку дивана и покачал головой. Опять никому не нужная надежда, противиться которой он просто не мог. Она стояла так близко, молчала так долго, что он почти поверил: заговорит. Ушла. Гадать, о чём думала, – невыносимо. Изаму перевернулся на спину, закинул руки за голову. Слишком много смятения, хаоса в мыслях. Слишком много её. Так нельзя. Он отвык так много переживать, чувства – непозволительная роскошь. Они годами были спрятаны под маской, лишь изредка прорываясь наружу крохотными вспышками, когда терпеть было слишком сложно. Всё, что касалось отношений, было под запретом, потому что он отлично помнил, каково это: терять. Потому что терял слишком много, чтобы забыть о боли, что не уходит никогда. Друзья, родные, любимые – все они перешагнули черту, за которой нет ничего. А он остался. И когда Асами попросила, робко, смущаясь, но не собираясь отступить, он сдался, потому что не смог иначе. Слишком много в её голосе было безнадёжности, от которой сердце сжалось до размеров горошины. Изаму не думал, что в этот раз им повезёт. Не надеялся, что выберутся. Просто искренне хотел помочь. Забрать её страх. Дать понять, что рядом. И слабое возражение было скорее для себя, не для неё. Как последнее предупреждение, которое она проигнорировала. Он мог найти другие слова. Правильные. Мог отговорить, объяснить, надавить. Не захотел. Потому что мысли о ней появились не в той темноте, а гораздо раньше. Но он свыкся с ними, как с привычной болью. А там просто поддался.

Он грустно улыбнулся – вина за собственную слабость теперь легла на её плечи. Надо бы себя ненавидеть, но сейчас, когда она была так близко, не получалось. Прислушавшись, Изаму просканировал дом – спит. Дыхание ровное, как и свет её чакры. Асами столько раз засыпала в его руках: так мало и одновременно так много. Изаму зажмурился и вдруг упруго поднялся, бесшумно ступая на пол.

У спальни остановился, прислонил полыхающий лоб к дверному косяку. Зачем? Что он творит? Просто посмотрит. Внутрь, почти не думая, на голом инстинкте, что вёл к ней, как самца ведёт запах самки. Перед кроватью застыл, глядя на свернувшуюся клубком фигуру под одеялом. Она лежала лицом к двери, просунув одну руку под подушку, а второй скомкав простыню. Дышала спокойно, еле слышно. Изаму медленно опустился на колени, сел на пятки и склонил голову набок. В спальне было темно, но в тысячу раз светлее, чем было там. И он мог отчётливо видеть расслабленные, чуть приоткрытые губы, изогнутые брови, чуть подрагивающие веки. Изаму понял, что хочет её коснуться, когда рука замерла в миллиметре от виска. В подушечки пальцев – её тепло, её пульс. Сквозняк от приоткрытого окна пошевелил её волосы, забросил пару тонких

прядок на протянутые пальцы. Осторожно позволив им упасть, Изаму отпрянул, но не поднялся. Положил ладони на колени и вновь посмотрел на неё. Во сне безмятежная, невинная девочка из прошлого... Нет. Он даже мотнул головой, прогоняя это воспоминание. Она женщина. Горячая, пылкая, страстная. Безрассудная, храбрая, сильная. Изаму прикрыл на миг глаза – диссонанс сбивал с толку. Если бы он мог просто понять, кто она для него, отделить одно от другого, стало бы проще.

За окном начало сереть, когда он вернулся на диван. Всю ночь в мыслях, воспоминаниях, обрывках. В попытках найти правильное решение, путь к ней, или окончательно от неё. Изаму не любил чувство беспомощности. Но сейчас именно его ощущал постоянно. Невозможность хоть как-то контролировать происходящее сводила с ума. Думал, что поступает правильно, но сомневался каждую секунду. Решение проблемы было не только в свадьбе. Свадьба – лишь отсрочка, немного времени, прежде чем все поймут что к чему. А потом будущее. Вместе.

Они не чужие люди, никогда не были чужими. Но и близкими настолько, как сейчас, тоже не были никогда. Изаму неохотно признавал, что растерян, пожалуй, впервые за всю жизнь растерян настолько, что просто не представляет, что делать дальше.

Устало потеряв переносицу, он пошёл на кухню – выпить кофе. Заснуть всё равно не получится. Пока кофемашина гудела, уронил подбородок на грудь и крепко стиснул край стола. Трудности только начинались, и самой главной среди них было удержаться и не уложить в постель собственную жену.

Тьма обволакивает мягким покрывалом. Прямо в ухо – стук его сердца. Асами расслабленно лежит на его груди, перекинув одну ногу и обвив рукой.

Пальцы Изаму неспешно гуляют по её спине, то вычерчивая узор, то принимаясь невесомо постукивать. Ей тепло, спокойно и немного лениво. Странное чувство для их положения. Но думать об этом не хочется.

– Как же хочется искупаться, – вздыхает Асами.

– Когда мы выберемся, ты отправишься в самый лучший спа-салон. – Его голос тихо вибрирует внутри грудной клетки. – Будешь долго лежать в горячей воде, а

потом – обязательно пойдёшь на массаж. – Его ладонь ложится на спину, поглаживает. – Теплое масло, приятная музыка, коктейли и фрукты.

– А вы? – Асами чуть приподнимается, кладёт подбородок на подставленную руку, но всё равно не может разглядеть даже очертания его лица.

– У меня дома есть душ, – в его голосе насмешка. Он замолкает ненадолго, потом продолжает: – А потом обязательно загляни в самый лучший ресторан. Закажи всё, что сможешь съесть, и что не сможешь – тоже закажи.

– А потом мы всё это съедим, – улыбаясь, говорит Асами.

Он не отвечает. Прижимает к себе так сильно, что кажется, начинают хрустеть кости. Асами снова ложится на его грудь, слушает размеренные, глухие удары сердца.

– А потом будешь спать. В чистой постели. На мягкой подушке. Под тёплым одеялом.

– Звучит прекрасно, – выдыхает она. Коротко целует ключицу, трётся о неё носом. – А вы будете рядом.

– Рядом, – эхом откликается он. Его рука зарывается в её волосы, притягивает к себе. Нежно, почти не дыша, Изаму касается её губ: сначала одной, затем второй. Обводит их контур кончиком языка, прежде чем втянуть в себя. Асами тут же тянется, ловит его лицо ладонями. Внутри сейчас столько света, что он мог бы ослепить, если бы она знала, как им поделиться. Прикрывает глаза, ныряет в этот свет, в мягкое, неторопливое касание его губ, языка.

Поцелуй не обещает продолжения, он будто запечатывает сегодняшнюю ночь. Мягкие касания губ в уголки рта, по щекам, по закрытым глазам. Изаму вновь укладывает её голову себе на грудь и продолжает неспешный путь пальцев по спине.

– Как вы считаете, над нами много камня? – Асами говорит тихо, но голос всё равно выдает с головой.

– Нет. Метров пять, может, десять. – В его голосе улыбка, и от неё облегчение разливается по телу, затапливая страх. – Воздух здесь не спёртый, чувствуешь? Где-то над нами прорублена шахта, но сквозняк холодный, значит, попадая туда, воздух не успевает согреться. Мы почти у поверхности, Асами. И совсем скоро нас вытащат. Обещаю.

Асами распахнула глаза, резко выныривая из сна-воспоминания. Всё ещё чувствуя его вкус на губах, его тепло. И свет – приятное, трепетное чувство. До того как встанет солнце оставалось не больше часа, сквозь шторы проникал серый, рассеянный свет. Можно было попробовать заснуть, попробовать ухватить воспоминание, удержать и вернуться туда. Но что-то мешало. Асами повела носом – озон. Едва заметный аромат, которого точно не было, когда она засыпала. Он заходил к ней? Улыбка против воли заплясала на губах, стоило представить Изаму, стоящего у её кровати. Раздался короткий звон, запахло кофе. Он до сих пор не спит? Осторожно выбравшись из кровати, Асами натянула халат и тихо выскользнула на кухню.

Изаму стоял спиной к ней, его силуэт в предрассветной серости смазывался. Низко опущенная голова, руки, крепко сжимающие стол, ломаная линия плеч. Асами представила, как подходит, обнимает обеими руками, утыкается носом между лопаток. Делится светом, который до сих пор наполнял её... Он услышал. Выпрямился, потёр шею, разминая, прежде чем обернуться.

– Ты что так рано? – в голосе звучал лёгкий интерес и что-то ещё, не разобрать.

– Поделитесь кофе? – она вдруг смутилась. В полумраке было слишком много интимности, нежданной близости с лёгкой ноткой безрассудства.

Изаму кивнул и отвернулся к кофемашине. Асами села за стол, наблюдая за его движениями.

– Я могла бы выпить этот, – удивилась она, когда он, наполнив свою чашку, перелил остатки из кофейника в ковшик, стоящий рядом.

– Ты такой не пьёшь, – хмыкнул Изаму. Прикрыл глаза, выругавшись про себя. Когда информация о том, какой кофе она любит, успела перекочевать из папки «Ерунда» в папку «Важное»? Почему он этого не помнит?

– Нам надо поговорить, – тихо произнесла Асами, неотрывно глядя на его спину, скрытую чёрной безрукавкой.

– Надо. – Он подхватил обе чашки, поставил одну перед ней и опустился на стул спиной к окну.

У Асами на языке вертелась масса вопросов. Действительно важных, жизненно необходимых. Но отчего-то сорвался другой.

– Вы знали, что нас не спасут?

Изаму молчал и тяжело смотрел на неё, не шевелясь, почти не дыша. Раздумывая, нужна ли ей правда. Асами впилась в него взглядом, но всё, что могла рассмотреть в окружающей серости – нечитаемый блеск глаз над маской.

– Да, – ровно произнёс он наконец. – Знал.

– С самого начала? – жалобно спросила она.

Изаму всё же вздохнул. Шумно. Потёр затылок, шею. Помолчав, ответил:

– С самого начала, Асами.

– Но... почему тогда...

– Я слышал о таких тюрьмах. – Его голос стал слишком сухим. Ни одной эмоции. – Каменные мешки, прорубленные в цельной скале. Обычно один-два на самом нижнем уровне. С узкими шахтами-воздуховодами, которые высечены в породе так, что засыпаются моментально, стоит попробовать воздействовать на гору. Мы были обречены с самого начала, Асами. Если бы кто-то попытался атаковать, нас бы нашли уже мёртвыми.

– Сколько над нами было на самом деле? – безжизненно спросила Асами, непроизвольно сжимая руки, лежащие на столе, в кулаки.

– Не знаю. Не меньше ста метров.

С тихим стоном она уронила голову на руки, пытаясь дышать ровнее. Знал. Он всё знал и до последнего поддерживал в ней надежду. Знал и не говорил, только делился, постоянно делился уверенностью, что всё будет хорошо. Асами вздрогнула – его большой палец накрыл сжатый кулак, провёл по костяшкам. Осторожно, ласково.

– Было бы лучше, если бы мы боялись вместе? – с мягким упрёком спросил Изаму. Асами зажмурилась, мотнула головой. И вдруг вскочила, бросилась к нему, обогнув стол, обняла за шею, давясь слезами. Он окаменел, но стоило первой капле пропитать майку на плече, как руки сами обвили, прижали к себе. Медленно, успокаивающе, заскользили по спине.

– Уже всё позади, Асами, – сдавленно проговорил Изаму. – Всё позади. Ты здесь, ты дома.

Она только крепче сжала его, грозясь задушить. Зарыдала громче. От боли пекло в груди, жгло кислотой. Не за себя – за него. Стоило представить его эмоции, его страх, и перехватывало дыхание.

Изаму молчал. Продолжал поглаживать, но не говорил ни слова. В горле вырос огромный ком, мешая полноценно дышать. Не надо было этого говорить. В сущности, не велика заслуга в том, что он держал свои страхи при себе. Для Кацу и Сорой поступил бы так же. Только спать с ними, чтобы поддержать, не стал бы. Изаму неслышно хмыкнул. Её рыдания постепенно стихали, но она не спешила отстраняться, и тогда он осторожно взял её лицо в ладони и стёр слёзы большими пальцами. Серьёзно посмотрел – в глазах столько печали, что можно захлебнуться. Асами неловко опустила руки: сейчас перед ней снова учитель, не незнакомец из темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/milogradskaya_galina/ya-tebya-ne-otpuschu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)